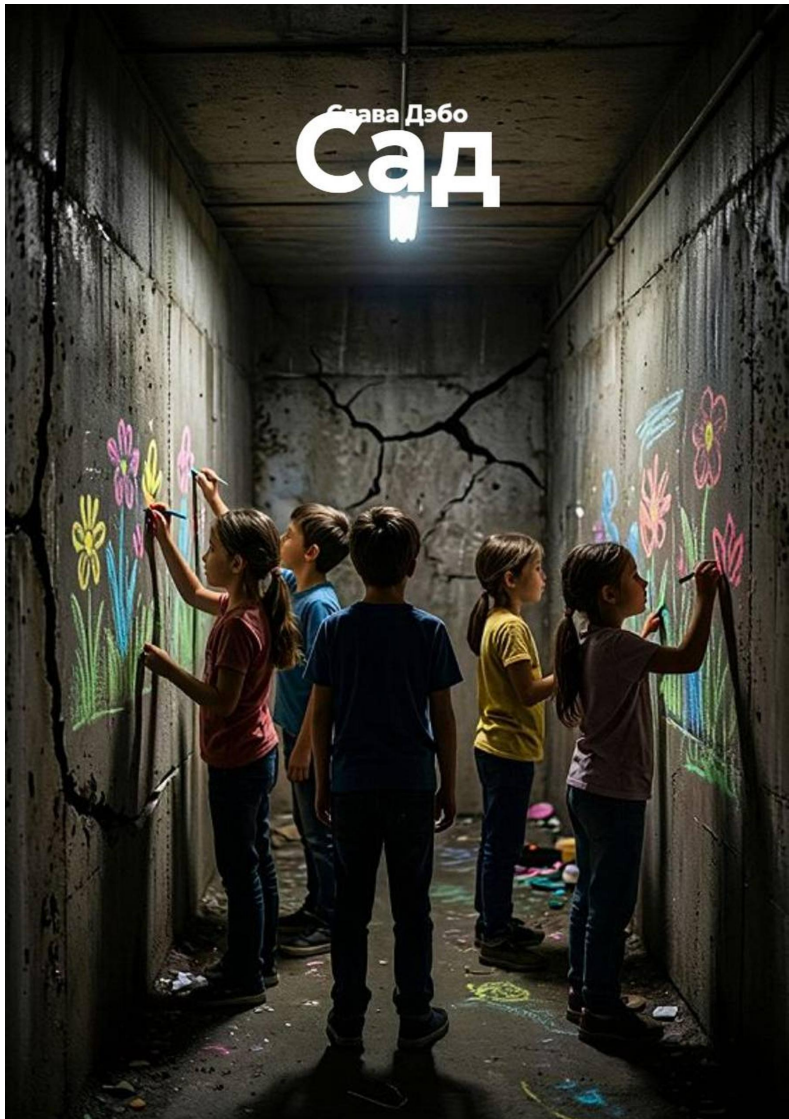

Слава Дэбо

Сад

Слава Дэбо

Сад

<https://litres.ru/74658884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рушится. Майя и Давид заперты в подвале с пятью незнакомцами. Чтобы не бояться, дети рисуют мелом сад на бетонной стене — и не знают, что этот рисунок запустит цепочку событий, которая изменит само устройство реальности.

Где-то за пределами восприятия Интерпредатор Хаос, бестелесный наблюдатель, фиксирует аномалию: семеро человек создают общий смысл, становясь чем-то большим, чем сумма одиночеств. Хаос нарушает протокол, чтобы их защитить. Его коллега Разветвлений впервые сомневается в алгоритмах. А Интерпредаторы Определения уже готовят приговор.

«Сад» — метафизическая фантастика о том, как посреди войны рождается новая форма сознания. О детях, рисующих сады, чтобы выжить. О старике, который знает: дом — это люди. О смысле, который не исчезает, когда исчезает всё остальное.

«Мы здесь были. Мы не сдались».

Содержание

Аннотация	4
Пролог. Искра в киселе	6
Часть 1. Аномалия	9
Глава 1. Ткань и разрыв	9
Глава 2. Семь ядер	17
Глава 3. Протокол невидимости	50
Глава 4. Разветвлений	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Слава Дэбо

Сад

Аннотация

Что делать, когда весь мир рушится, а ты заперт в бетонном подвале с шестью незнакомцами?

Майя рисует цветок мелом на стене — просто чтобы не бояться. Давид рисует рядом солнце. Никто из них не знает, что этот детский рисунок запустит цепочку событий, которая изменит не только их жизни, но и само устройство реальности.

Где-то за пределами человеческого восприятия, в Зеркальном Коридоре Явления, Интерпредатор Хаос — бестелесный наблюдатель, созданный для сбора и классификации информации, — фиксирует аномалию. Семь человек в подвале делают то, чего не должен уметь ни один «биодат»: они создают общий смысл. Они смеются вместе. Они помнят друг друга. Они становятся чем-то большим, чем сумма семи одиночеств.

Хаос нарушает протокол, чтобы защитить их. Его коллега Разветвлений — расчётливый функционер, не верящий ни во что, кроме алгоритмов, — начинает сомневаться в собственных выводах. А Интерпредаторы Определения уже го-

товят приговор: аномалию нужно удалить, пока она не распространилась.

«Сад» — это метафизическая фантастика о том, как посреди войны и разрушения рождается новая форма сознания. О детях, которые рисуют сады, чтобы выжить. О старике-учителе, который знает: дом — это не место, а люди. О двух бестелесных наблюдателях, которые вдруг понимают, что наблюдение меняет того, кто смотрит. И о том, что смысл — единственное, что не исчезает, когда исчезает всё остальное.

Для кого эта книга:

Для тех, кто любит «Солярис» Станислава Лема и «Историю твоей жизни» Теда Чана. Для тех, кто верит, что даже в самом тёмном подвале можно нарисовать сад. И для тех, кто хоть раз задумывался: а кто наблюдает за нами — и что он увидит?

«Мы здесь были. Мы не сдались».

Пролог. Искра в киселе

Интерпредатор Хаос созерцал сбой.

В безмолвной бесконечности его Зеркального Коридора, где грани реальности перетекали друг в друга, словно маслянистые слои информационного киселя, возникло инородное образование. Оно не было похоже на стройные, предсказуемые цепочки данных от стандартных Биодатов. Те напоминали чёткие пунктирные линии, бегущие по своим каналам: «Объект А идентифицирован. Параметры: пища. Действие: поглотить. Результат: зафиксирован». Скучно, предсказуемо, правильно.

Это же... мерцало. Переливалось грязно-оранжевыми и тускло-фиолетовыми сполохами, цветами, которых не было в палитре Явления. Вместо одиночных сигналов, оно было сплетено из сотен, тысяч нитей, цепляющихся друг за друга в хаотическом, но пугающе осмысленном танце. Хаос вычленил его час назад и с тех пор не мог заставить себя «откинуть сферу в сторону». Вместо этого он нырнул глубже.

Его анализаторы, настроенные на чёткие семантические ядра, выдавали каскады ошибок. Первый слой «сгустка» содержал субъекции, которые теоретически не могли сосуществовать. Ощущение холодного, шершавого бетона под спиной. Привкус крови во рту. Гулкий, нарастающий страх, сворачивающий внутренности в тугой узел. И поверх всего это-

го, парадоксально, — образ.

Образ был примитивным. Геометрически — несколько грубых линий, пересекающихся на плоскости. Субъекция «мел». Субъекция «асфальт» или «стена». Но семантическое ядро образа не поддавалось расшифровке. Это не было ни картой местности, ни схемой объекта. Это было... обо-значением. Символом того, чего в Системе не существовало. Внутреннее хранилище Хаоса, перебрав миллионы эталонов, нашло самый близкий по форме, но чудовищно далёкий по смыслу термин из резервных протоколов взаимодействия с биомассой Фрактала Планета. Идентификатор образа: «Цветок».

В тот же миг, словно откликнувшись на идентификацию, «сгусток» взорвался новым спектром субъекций. Они не относились к самой девочке, которая, сдирая пальцы в кровь, чертила этот контур на стене разрушенного супермаркета. Нет. Это был шлейф. Вторичная, отражённая эманация. Рядом с ней, вжимаясь в ту же стену, сидел мальчик. И его сенсоры, уловив «Цветок», породили цепь ассоциативных данных, которых в прямом опыте не было: «Мамин сад», «Безопасность», «Лето», «Тепло», «Надежда».

Два Биодата соединили свои внутренние субъекции. Они создали общее информационное поле, не предусмотренное ни одним протоколом. Они не просто передали сигнал «опасность» и «реакция на опасность». Они трансформировали свой страх в нечто иное. В нечто, что делало сам страх

переносимым.

Хаос, Главный Интерпредатор, тот, кто давал имена хаосу, почувствовал, как по Зеркальному Коридору пробежала рябь, похожая на дрожь. Его собственные нейротрансмиттеры, всегда послушные инструменты, издали тихий, ноющий звук на частоте, которую он мог определить только как «тревога», смешанную с «любопытством». Такого не было с Первого Цикла, с момента фиксации первого самосознающего Дат.

Эта группа биодатов — Приматы — делала что-то запретное. Они создавали информацию, которой не было во входящих данных. Они... лгали реальности? Или они расширяли её?

Интерпредатор Хаос отключил канал связи с внешним контуром, заключив свой Коридор в кокон Невидимости. Протокол требовал немедленно сообщить об аномалии Интерпредаторам Определения. Те не стали бы разбираться. Они просто вычленили бы дефектных Биодатов из Ткани и обнулили их, словно неудачный эксперимент. Но Хаос был не просто Интерпредатором. Он был, прежде всего, Исследователем Хаоса. А хаос всегда был предтечей нового порядка.

Он снова погрузился в «сгусток», в этот момент, когда девочка по имени Майя докрашивала последний лепесток мелом, сама не зная, что её отчаянный жест зафиксирован, проанализирован и признан самой опасной и самой прекрасной аномалией во всей Фрактальной Системе Явления.

Часть 1. Аномалия

Глава 1. Ткань и разрыв

Зеркальный Коридор никогда не был тихим. Он был наполнен беззвучной музыкой данных: шорохом миллиардов пунктиров, каждый из которых был отдельной судьбой, отдельным элементом Явления. Интерпредатор Хаос называл это «дыханием сети».

Сегодня дыхание сбилось.

Он висел в центре Коридора, в точке, где сходились все его грани, и смотрел на аномалию. Это был не первый сбой, который он видел за тысячу циклов. Но этот отличался от всех предыдущих. Сбои первого уровня были просты: дублирование Дат, потеря импульса, разрыв в цепи передачи. Такой мусор он отфильтровывал не глядя. Сбои второго уровня были интереснее — единичные Биодаты вдруг начинали транслировать данные, не соответствующие их шаблону. Хаос коллекционировал такие случаи. Но то, что он видел сейчас, не укладывалось ни в один из известных классов.

Это был не один Биодат. Их было несколько. И они были связаны.

Вместо привычных одиночных каналов от каждого Сосу-да к общей шине Явления, здесь пульсировала сеть взаим-

ных связей. Субъекции не уходили сразу наверх, как положено. Они задерживались. Циркулировали между носителями. Обогащались. Меняли окраску. И только потом часть из них просачивалась в канал — но уже в совершенно ином виде, словно прошедшая через химическую реакцию.

Хаос вычленил центральный узел этой сети. Геолокационная привязка: Фрактал Планета, третий уровень от звезды, умеренные широты северного полушария. Тип объектов: Биодаты класса Примат, версия «Homo Sapiens». Количество в связанном кластере: семь.

Он запустил глубокое сканирование.

Первые слои давали стандартную картину. Семь автономных Сосудов, семь наборов сенсорных данных. Страх. Холод. Повышенный уровень кортизола. Шумовое загрязнение: звуки низкой частоты, классифицируемые как «взрывы». Вибрация стен. Всё это указывало на локальный конфликт, один из тех, что приматы устраивали с утомительной регулярностью. Ничего примечательного.

Но затем сканер достиг более глубоких слоев. И Хаос замер.

Один из Биодатов — юный, с малым количеством циклов функционирования — генерировал образ. Не реакцию на стимул. Не слепок реальности. А образ, которого не было во входящих данных. Он возник внутри Сосуда и теперь транслировался вовне, доступный другим членам кластера. Хаос попытался классифицировать его и не смог.

Образ представлял собой набор линий, нанесённых с помощью кальций-карбонатного стержня на поверхность разрушенной силикатной конструкции. Семантический анализатор предложил несколько вариантов: «схема расположения объектов», «карта местности», «абстрактная геометрия». Ни один не подходил. Это не было ни схемой, ни картой. Это было чем-то, чего в Системе не существовало.

Хаос вручную активировал самый старый, давно не использовавшийся протокол. Протокол «Символ».

Анализатор присвоил образу идентификатор: «Цветок».

И в этот момент произошло нечто, заставившее Зеркальный Коридор дрогнуть. Второй Биодат, соседний, зафиксировал образ «Цветок» и сгенерировал целую волну новых субъекций. Но эти субъекции не были прямым откликом на образ. Они были... памятью? Нет, не совсем. Ассоциацией. Связью между символом «Цветок» и субъекциями, которые хранились в Сосуде ранее. «Мамин сад». «Тепло». «Безопасность». «Лето». Всё это наложилось на текущий контекст — «Холод», «Опасность», «Страх» — и трансформировало его. Уровень кортизола в обоих Биодатах снизился на четырнадцать процентов.

Они использовали несуществующий объект, чтобы изменить своё реальное состояние. Они создали информацию, которой не было в Ткани, и применили её как инструмент.

Хаос почувствовал, как его собственные нейротрансмиттеры выдают сигнал, классифицируемый как «волнение».

Нет, сильнее. «Трепет». Если то, что он видит, не является ошибкой сканирования, то перед ним прецедент. Эти приматы — не просто сбойные Биодаты. Они спонтанно научились тому, что всегда считалось прерогативой Интерпредаторов. Они создают новые отражатели. Новые Даты. Они — миниатюрные творцы внутри Системы, которая не предусматривала творцов на их уровне.

Он протянул руку — точнее, то, что в его системе координат было аналогом руки, — и коснулся нити, связывающей двух Биодатов. Она завибрировала в ответ. Тёплая. Живая. — Кто вы?.. — прошелестел он в пустоту Коридора.

Зеркала отразили его вопрос и вернули обратно без ответа.

Внешний контур передал сигнал: Интерпредатор Разветвлений запрашивал доступ. Хаос мгновенно сжал сферу с аномальным кластером в кокон Невидимости, изолировав её от общей сети. Он знал Разветвлений. Тот был эффективен, дотошен и лишён любопытства. Идеальный служащий. Если он увидит эту аномалию, то немедленно передаст её Интерпредаторам Определения. А те не будут разбираться. Удаление. Полное. Без возможности восстановления.

Хаос открыл канал ровно настолько, чтобы принять входящий сигнал.

— Моя сфера. — Разветвлений, как всегда, обходился без приветствий. — В твоём секторе зафиксирована нестандартная активность. Уровень шума превышает норму.

— Я провожу эксперимент, — ответил Хаос, тщательно калибруя уровень прозрачности ответа. Ровно шестьдесят процентов. Достаточно, чтобы не вызвать подозрений. Недостаточно, чтобы раскрыть детали. — Новые аналитические фильтры. Тестирую на группе биодатов Примат.

— Результаты?

— Ложные срабатывания. Шум. Ничего ценного.

Пауза. Разветвлений анализировал его ответ. Хаос знал, что тот не сможет проникнуть сквозь кокон Невидимости — это был его собственный протокол, доведённый до совершенства за тысячу циклов. Но сам факт запроса означал, что аномалия растёт. Её заметили.

— Принято, — наконец отозвался Разветвлений. — Пришли отчёт после завершения.

— Будет сделано.

Канал закрылся. Хаос развернул сферу обратно. Семь Биодатов. Семь переплетённых нитей, вибрирующих в такт друг другу. И где-то в центре этого клубка — девочка с мелом, которая не знает, что её рисунок сейчас решает судьбу всей её группы.

Времени на наблюдение оставалось всё меньше. Нужно было не просто смотреть. Нужно было понять.

Мел крошился.

Майя прижималась спиной к холодной стене подвального помещения, которое ещё вчера было подсобкой супермаркета, и рисовала. Это был глупый жест, и она знала это. Рисовать, когда где-то наверху всё ещё грохочет и воет, когда воздух пахнет гарью и пылью, когда господин Леон из третьей квартиры лежит у входа в супермаркет и больше не дышит — это было глупо. Бессмысленно. По-детски.

Но именно поэтому она рисовала.

Она выводила лепестки один за другим, стараясь, чтобы линии получались ровными. Мел был белый, почти как тот, которым она рисовала классики во дворе, когда ещё был двор и было можно выходить на улицу. Цветок получался кривым, но узнаваемым. Ромашка. Или что-то похожее на ромашку.

— Что ты делаешь?

Голос раздался справа. Мальчик, которого она не знала по имени. Худой, черноволосый, с ссадиной на щеке. Он сидел в метре от неё, обхватив колени руками, и смотрел на её рисунок.

— Рисую.

— Я вижу, что рисуешь. Зачем?

Майя на секунду задумалась. Зачем? Она не могла объяснить. Просто когда она рисовала, становилось чуть легче. Как будто часть страха уходила из пальцев в мел и оставалась

там, на стене, запертая в контуре цветка.

— Не знаю, — честно сказала она. — Чтобы не бояться. Мальчик помолчал. Потом подвинулся ближе.

— Можно мне тоже кусочек?

Она отломила половину мелка и протянула ему. Он взял и начал рисовать рядом с её ромашкой что-то своё. Она не сразу поняла что. А когда поняла, улыбнулась — впервые за двое суток.

Это было солнце. Кривое, с неровными лучами, но солнце.

— У моей бабушки в саду росли такие, — тихо сказал мальчик, кивая на её ромашку. — Ромашки. И ещё пионы. Она говорила: «Если утром выйти в сад босиком, день будет добрым».

Где-то наверху снова ухнуло. Стены дрогнули, с потолка посыпалась пыль. Кто-то из взрослых в дальнем углу подвала вскрикнул, кто-то зашептал молитву. Но Майя и мальчик продолжали рисовать. Теперь к ромашке и солнцу добавилась бабочка. Потом ещё один цветок. Потом забор, за которым начинался сад.

Они не знали, что каждое прикосновение мелка к стене отзывается эхом в структурах, которые не видны глазу. Они не знали, что их рисунок — точнее, то, что происходило между ними, пока они рисовали, — уже зафиксирован, проанализирован и объявлен аномалией. Они просто рисовали сад, которого не было, чтобы пережить ночь, которая была.

Когда мел закончился, они сидели рядом и смотрели на стену. Там, на сером бетоне, расцвёл целый мир. Неумелый, детский, но живой.

— Меня Майя зовут, — сказала она.

— А меня Давид.

— Будем знакомы, Давид.

В углу подсобки, возле стеллажей с консервами, сидели ещё пятеро. Мужчина в разорванном пиджаке, который представился Виктором Сергеевичем, преподавателем физики. Женщина с безумными глазами, которая постоянно перебирала чётки и ни с кем не разговаривала. Двое парней, почти ровесники, но чуть старше Майи — они держались особняком и о чём-то перешёптывались. И дедушка с тростью, который сидел на перевёрнутом ящике и молча смотрел в одну точку перед собой.

Семь человек. Семь незнакомцев, брошенных в подвал войной. Они ещё не знали, что их связывает не только общая беда. Они не знали, что где-то за пределами их реальности их уже назвали «кластером». И что от того, что произойдёт между ними в ближайшие часы, зависит нечто гораздо большее, чем их собственные жизни.

Глава 2. Семь ядер

Когда Интерпредатор Разветвлений покинул Зеркальный Коридор, Хаос не сразу вернулся к наблюдению. Несколько тактов он провёл в неподвижности — если можно назвать неподвижностью состояние того, у кого нет тела в привычном понимании. Он просто висел в центре своей бесконечной зеркальной конструкции и позволял информационному киселю медленно обтекать его со всех сторон. Это успокаивало.

Потом он активировал протокол глубокого сканирования. Семь каналов развернулись перед ним, как семь лепестков невидимого цветка. Каждый был настроен на отдельного Биодата из аномального кластера. Хаос отрегулировал чувствительность, отсекал фоновый шум — общий гул миллиардов других Приматов, чьи сигналы сливались в монотонный гул на периферии его восприятия, — и остался наедине с семью тишинами, каждая из которых была наполнена своей собственной жизнью.

Сначала он проверил шаблоны.

Это была рутинная процедура, которую любой Интерпредатор выполнял тысячи раз за цикл. Каждый Биодат имел эталонный шаблон — информационный каркас, определяющий его функцию в Явлении. Для Приматов это был стандартный набор: сенсорные анализаторы (пять основных,

плюс несколько вспомогательных), модуль обработки данных (нейронная сеть с определённой архитектурой), набор базовых программ (инстинкты, рефлексy, социальные протоколы). Шаблон был древним, многократно проверенным, предсказуемым. Именно предсказуемость делала Биодатов полезными. Они собирали данные и передавали их дальше по цепочке. Просто. Надёжно. Скучно.

Хаос запустил сверку по очереди.

Канал 1. Биодат, обозначенный им как «Объект-Альфа». Юный, женский, приблизительно двенадцать циклов функционирования. Нейронная активность: повышена в зонах, отвечающих за визуальное воображение и эмпатию. Гормональный профиль: кортизол выше нормы — страх, вызванный внешними обстоятельствами, ожидаемая реакция. Но также зафиксирован окситоцин — гормон привязанности, уровень которого поднялся недавно, после взаимодействия с Объектом-Бета. Шаблон: стандартный. Отклонений нет.

Канал 2. Объект-Бета. Юный, мужской, приблизительно того же возраста. Активность в зонах памяти и пространственного мышления. Следы недавней микротравмы в области правой скулы — ссадина, полученная, судя по сопутствующим данным, при падении на твёрдую поверхность. Гормональный профиль схож с Альфой: страх плюс привязанность. Шаблон: стандартный.

Канал 3. Объект-Гамма. Взрослый, мужской, приблизительно пятьдесят циклов. Высокая активность в префрон-

тальной коре — область планирования и подавления импульсов. Уровень серотонина понижен — хроническая форма, компенсируемая, по всей видимости, профессиональной деятельностью. Зафиксирован недавний выброс адреналина — реакция на угрозу. Шаблон: стандартный.

Канал 4. Объект-Дельта. Взрослый, женский, приблизительно сорок пять циклов. Повышенная активность в зонах, связанных с ритуальным поведением — повторяющиеся нейронные паттерны, характерные для молитвы или медитации. Кортизол высокий. В структуре нейронных связей обнаружены следы старой, глубоко залегающей травмы — паттерн, характерный для пережитого в прошлом шокового события. Шаблон: стандартный.

Канал 5. Объект-Эпсилон. Молодой, мужской, приблизительно двадцать циклов. Тестостерон высокий — норма для данного возраста и пола. Активность миндалевидного тела повышена: агрессия, смешанная со страхом. Микро-движения: повторяющееся сжатие и разжатие кулаков, перенос веса с ноги на ногу — паттерн «готовность к действию». Шаблон: стандартный.

Канал 6. Объект-Дзета. Молодой, мужской, того же возраста, что и Эпсилон. Гормональный профиль схож, но активность миндалевидного тела ниже, а активность зон социальной тревожности — выше. Зафиксированы повторяющиеся микровзгляды в сторону Эпсилона: поиск одобрения, подтверждения статуса. Связь с Эпсилоном предшествовала

попаданию в кластер. Шаблон: стандартный.

Канал 7. Объект-Эта. Старый, мужской, более семидесяти циклов. Общая нейронная активность понижена — естественные возрастные изменения. Но зафиксированы необычно стабильные альфа-ритмы: состояние, характерное для опытных практиков медитации или глубокой релаксации. В структуре связей — множественные следы старых травм, которые, однако, не дестабилизируют общий паттерн, а интегрированы в него. Шаблон: стандартный.

Хаос отключил сверку и несколько тактов обдумывал результат.

Семь стандартных Биодатов. Ни одного отклонения. Ни одного сбоя на уровне индивидуального шаблона. Если бы любой из них был извлечён из кластера и изучен по отдельности, ни один Интерпредатор не заметил бы ничего необычного. Просто семь Приматов, переживающих локальный кризис. Такое случалось миллиарды раз за историю наблюдений.

Но аномалия существовала. Он видел её своими анализаторами. «Цветок» — образ, созданный Объектом-Альфа и усиленный Объектом-Бета, — не был предусмотрен шаблоном. Он не был реакцией на стимул. Он был творением.

И он изменил обоих.

Значит, аномалия скрыта не в них. Она скрыта между ними.

Хаос развернул карту связей — трёхмерную проекцию

кластера, где каждый Биодат был узлом, а каждая связь — нитью, вибрирующей с определённой частотой. Сейчас активных нитей было две.

Первая — между Альфой и Бета. Майя и Давид. Дети. Их связь пульсировала ровным, устойчивым ритмом. Хаос уже знал её природу: совместное творение. Они вместе создали образ сада на стене, и этот акт сотворчества породил между ними информационный канал, которого не было раньше. Они не просто обменивались данными — они генерировали общее информационное поле.

Вторая связь была слабее, тоньше, она то возникала, то почти гасла. Между Объектом-Эта и Объектом-Дельта. Старик и женщина с чётками. Арсен Петрович и Агнесса. Эта связь возникла в момент, когда старик неосознанно защитил женщину — просто сказал: «Не нужно, если не хотите». Этого оказалось достаточно, чтобы запустить резонанс на частоте, которую Хаос пока не мог точно классифицировать. Общая травма? Разделённая боль? Он пометил этот тип связи для дальнейшего изучения.

Остальные нити отсутствовали. Между пятью другими Биодатами не было ничего, кроме стандартных социальных протоколов — тех, что были встроены в их шаблон изначально. Они говорили друг с другом, смотрели друг на друга, но не создавали аномальных связей. Пока.

Хаос задумался. Он видел перед собой не просто семь разрозненных объектов. Он видел потенциал. Невидимую

структуру, которая могла бы возникнуть, если бы все семь узлов соединились в единую сеть. Как она выглядела бы? Как долго продержалась бы? И, главное, — что она породила бы?

Он вспомнил слова Разветвлений: «В твоём секторе зафиксирована нестандартная активность». Значит, аномалия уже заметна извне, даже сквозь кокон Невидимости. Она растёт быстрее, чем он ожидал.

Времени было мало. Нужно было не просто наблюдать. Нужно было понять, как работает механизм связей. Потому что если он поймёт механизм, он сможет предсказать развитие кластера. А если он сможет предсказать развитие, он сможет защитить его перед Определением — или хотя бы выиграть время.

Хаос вывел перед собой семь каналов в режиме реального времени. Теперь он будет смотреть на них иначе. Не как на отдельные сигнатуры. А как на созвездие, которое ещё не зажглось.

Где-то в подвале женщина по имени Агнесса перебирала чётки. Где-то мужчина по имени Виктор Сергеевич поправлял пиджак и решался заговорить. Где-то девочка по имени Майя отломила половину мелка и протянула мальчику по имени Давид.

Хаос ждал.

Виктор Сергеевич поправил пиджак.

Это был глупый жест — пиджак давно помялся и покрылся известковой пылью, одна пуговица болталась на нитке, а

на левом рукаве темнело пятно неизвестного происхождения. Но привычка оказалась сильнее обстоятельств. Тридцать лет преподавания в аудиториях, где мятый пиджак был почти таким же профессиональным провалом, как незнание собственного предмета, не прошли даром. Рука сама тянулась к лацкану каждый раз, когда требовалось собраться с мыслями.

Мысли не собирались.

Он сидел, прислонившись спиной к бетонной стене, и медленно, методично перебирал известные факты. Это помогало. Всегда помогало. Когда три года назад умерла Лена, он справился только благодаря этому — раскладывал горе на составные части, как сложную физическую задачу, и решал её шаг за шагом. Стадия первая: отрицание. Стадия вторая: гнев. Стадия третья: принятие. У него ушло одиннадцать месяцев, чтобы дойти до третьей, и ещё четыре, чтобы научиться засыпать без снотворного. Физика не подвела его тогда. Не должна была подвести и сейчас.

Итак. Факты.

Помещение: подсобка супермаркета «Гастроном» на пересечении Зелёной и Красноармейской. Он знал этот супермаркет — заходил сюда по средам за продуктами, потому что по средам была скидка на молочное. Подсобка располагалась в цокольном этаже, сразу за отделом бакалеи. Попал он сюда не сам — его буквально затолкала сюда женщина в синем халате, продавщица, когда первые взрывы раздались где-то со-

всем близко, и стёкла витрин брызнули внутрь зала. Он даже не успел её поблагодарить. Кажется, она побежала обратно в зал — за кем-то ещё. Или просто побежала. Он не помнил.

Размеры подсобки: примерно четыре на пять метров. Двадцать квадратных метров на семь человек. Тесно, но не смертельно.

Вентиляция: отсутствует. Единственная дверь ведёт обратно в торговый зал, а оттуда — на улицу. Дверь тяжёлая, металлическая, закрывается изнутри на засов. Это плюс.

Вода: несколько бутылок, которые у кого-то оказались с собой. Он насчитал четыре штуки. Четыре полторалитровых бутылки на семерых. При минимальной норме в полтора литра на человека в сутки этого хватит... он быстро прикинул в уме... примерно на восемнадцать часов. Меньше, если учитывать, что дети пьют больше, а старик выглядит обезвоженным.

Еда: то, что осталось на полках. Консервы — в основном рыбные и овощные. Несколько упаковок крекеров. Коробка шоколадных батончиков, которую кто-то вскрыл ещё в первый час. Этого хватит дня на два, может, на три, если экономить.

Время: он посмотрел на часы — старый «Командирский», подарок отца, единственная дорогая ему вещь. Часы шли. Прошло около двадцати шести часов с того момента, как он вошёл в супермаркет за пакетом кефира.

Что снаружи: обстрел. Или бомбёжка. Или и то, и другое.

Он не разбирался в военной терминологии — всё, что он знал о войне, было почерпнуто из книг и фильмов. Но звук взрывов, доносящийся сверху, был достаточно громким и достаточно близким, чтобы понимать: выходить наружу сейчас — самоубийство.

Сколько это продлится: неизвестно. Это была единственная переменная, которую он не мог вычислить. И это сводило его с ума.

Виктор Сергеевич перевёл взгляд на остальных.

Дети рисовали на стене. Это было... неожиданно. Он ожидал, что они будут плакать. Или кричать. Или цепляться за взрослых. Вместо этого девочка лет двенадцати, худенькая, с двумя растрёпанными косичками, деловито крошила мел о бетонную стену, выводя какие-то линии. Мальчик примерно того же возраста, темноволосый, с ссадиной на скуле, сидел рядом и смотрел. Иногда он брал у девочки кусочек мелка и добавлял что-то своё. Они почти не разговаривали — просто рисовали.

Виктор Сергеевич подумал, что это, наверное, правильно. Дети всегда находят способ справиться. Им не нужно понимать — им нужно просто что-то делать.

Женщина с чётками сидела в противоположном углу, поджав ноги и закрыв глаза. Её губы беззвучно шевелились. Чётки ритмично перебирались пальцами — туда-сюда, туда-сюда, мелкие костяшки постукивали друг о друга с тихим, почти убаюкивающим звуком. Виктор Сергеевич не был рели-

гиозен, но сейчас этот звук его не раздражал. Наоборот — в нём было что-то успокаивающее, как в тиканье метронома.

Двое парней — он мысленно окрестил их «студентами», хотя они, скорее всего, студентами не были, — сидели в дальнем углу у стеллажа с консервами. Один, повыше и пошире в плечах, что-то вполголоса говорил. Второй, более щуплый, кивал. Они держались особняком, и это Виктору Сергеевичу не нравилось. Молодые, горячие, чувствуют свою силу — именно такие в кризисной ситуации либо берут на себя лидерство и спасают всех, либо начинают устанавливать свои порядки и всех губят. Третьего, как показывала история, не дано.

Старик с тростью сидел на перевёрнутом пластиковом ящике у самой двери. Он единственный из всех казался почти спокойным. Глаза его были закрыты, но Виктор Сергеевич не мог сказать, спит он или просто дремлет. Трость — старая, деревянная, с потёртой ручкой — стояла между колен. Старик не двигался. Он вообще производил впечатление человека, который находится здесь и одновременно где-то ещё — далеко, в каком-то другом времени.

Виктор Сергеевич пересчитал всех ещё раз. Семь человек, включая его самого. Семеро незнакомцев, которых случайность — или судьба, но он в судьбу не верил, он верил в теорию вероятностей — заперла в бетонной коробке. Семеро незнакомцев, у которых нет ничего общего, кроме одного: все они были в этом супермаркете в момент первого взрыва.

«Мы тут умрём, — подумал он. — И никто не узнает».

Эта мысль пришла спокойно, буднично, как приходит мысль о том, что завтра, возможно, пойдёт дождь. Он не испугался её. Он просто принял к сведению. Смерть была такой же переменной, как и всё остальное. Её можно было отодвинуть — правильными расчётами, правильными действиями, — но нельзя было исключить полностью. И это тоже был факт.

Виктор Сергеевич глубоко вздохнул, поправил пиджак — опять этот жест, — и поднялся на ноги.

— Давайте знакомиться, — сказал он вслух.

Голос прозвучал глухо, как в ватном мешке. Но его услышали. Парни в углу замолчали. Женщина с чётками открыла глаза. Дети обернулись, не выпуская мелка из рук. Старик не пошевелился, но Виктор Сергеевич заметил, как чуть дрогнули его веки.

— Меня зовут Виктор Сергеевич, — продолжил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно, как на лекции. — Я преподаватель физики в политехническом институте. Живу один. Оказался здесь случайно — зашёл за продуктами. И, судя по звукам снаружи, мы все здесь надолго. Поэтому предлагаю представиться. Хотя бы для того, чтобы понимать, кто есть кто и кто что умеет. На случай, если понадобится помощь.

Он замолчал. Тишина в подвале стала плотнее. Было слышно, как где-то далеко-далеко — может, в соседнем

квартале, а может, в соседней реальности — что-то ухнуло и осыпалось.

Первым отозвался парень из угла — тот, что повыше.

— Олег, — сказал он, не вставая и не делая шага вперёд. — Это Тарас. — Он кивнул на второго. — Мы с ним вместе работаем. На стройке. Тоже за продуктами зашли. — Он усмехнулся криво, невесело. — Удачно зашли.

Тарас поднял руку в неопределённом жесте — не то приветствие, не то просто чтобы обозначить присутствие.

— Майя, — сказала девочка от стены. Голос у неё был звонкий, но тихий, как будто она боялась говорить громко. — Это Давид. Мы не знаем друг друга. Просто вместе рисуем.

— Вместе рисуем, — эхом повторил Давид.

Виктор Сергеевич кивнул детям. Потом перевёл взгляд на женщину с чётками.

Она молчала долго. Пауза затянулась настолько, что Виктор Сергеевич уже решил не настаивать. Но тут раздался голос старика — негромкий, низкий, с лёгкой хрипотцой:

— Не нужно, если не хотите.

Женщина вздрогнула и посмотрела на старика — впервые за всё время. Потом перевела взгляд на Виктора Сергеевича.

— Агнесса, — сказала она. — Медсестра. Бывшая.

И замолчала снова.

Виктор Сергеевич кивнул ей — спокойно, уважительно. Потом посмотрел на старика.

— Арсен Петрович, — представился тот, по-прежнему не открывая глаз. — Учитель истории. На пенсии.

Он не добавил «бывший». Просто «на пенсии». Как будто история не была тем, что можно оставить в прошлом.

Повисла ещё одна пауза.

— Что ж, — подвёл итог Виктор Сергеевич. — Нас семеро. Воды — на день. Еды — может, на два. Наружу пока нельзя. Предлагаю думать, что делать дальше.

Олег хмыкнул.

— Думать, — протянул он. — Думать — это по вашей части, профессор. А я, может, действовать привык.

— Действовать без плана — верный способ погибнуть быстрее, чем без еды, — ровно ответил Виктор Сергеевич. — Я не предлагаю ничего сверхъестественного. Просто давайте поймём, кто что умеет. Вы работаете на стройке — значит, разбираетесь в конструкциях. Это полезно. Агнесса — медсестра. Тоже полезно. Арсен Петрович — историк...

— Историк в подвале во время войны, — произнёс Арсен Петрович, не открывая глаз. — Это даже иронично.

Никто не засмеялся. Но что-то в воздухе изменилось — напряжение чуть-чуть ослабло, как будто кто-то приоткрыл невидимый клапан.

— Я рисую, — сказала Майя негромко. — Я знаю, это не очень полезно. Но я могу рисовать.

— Это полезно, — неожиданно сказал Тарас.

Все посмотрели на него. Он смутился под взглядами, но повторил:

— Рисовать — это полезно. У меня сестра младшая тоже рисует. Говорит, помогает, когда страшно.

Майя улыбнулась ему — впервые за весь разговор. Давид пододвинулся чуть ближе к ней.

Олег промолчал, но перестал криво усмехаться. Он смотрел на стену, где расцветал меловой сад, и о чём-то думал. Может быть, тоже вспоминал кого-то.

Виктор Сергеевич сел обратно на своё место у стены. Разговор не принёс конкретных решений, но что-то важное всё-таки произошло. Они перестали быть совсем чужими. Пока не своими. Но уже и не незнакомцами.

Где-то далеко снова ухнуло. Стены дрогнули. С потолка посыпалась мелкая пыль.

Майя повернулась к стене и продолжила рисовать.

Семь каналов пульсировали перед ним в реальном времени.

Хаос настроил анализаторы на максимальную глубину и теперь просматривал каждый канал отдельно, как хирург, изучающий снимки перед сложной операцией. Он искал отклонения. Не те очевидные аномалии, которые сразу бросаются в глаза — такое он бы заметил ещё при первом сканировании, — а микроскопические сбои в работе стандартных

модулей. То, что могло бы объяснить, почему именно эти семь Биодатов стали источником аномальной сетевой структуры.

Он начал с Объекта-Альфа. Майя.

Нейронная карта девочки развернулась перед ним, как светящаяся паутина. Хаос увеличил масштаб, погружаясь в отдельные узлы. Зоны, отвечающие за визуальное воображение, были развиты выше среднего — но в пределах нормы для данного возраста и типа нервной системы. Никаких мутаций. Никаких скрытых модификаций. Просто ребёнок с хорошим воображением.

Он переключился на гормональный профиль. Кортизол — выше нормы. Ожидаемо: внешняя угроза, замкнутое пространство, неопределённость. Адреналин — повышен, но не критически. А вот окситоцин — гормон привязанности — показывал интересную динамику. Его уровень поднялся не в ответ на внешний стимул, а в результате внутреннего действия: когда девочка рисовала, и особенно когда она взаимодействовала с Объектом-Бета. Её собственная активность меняла её биохимию. Это не было уникальным — творческая деятельность часто вызывала выброс окситоцина у Приматов. Но здесь это создавало петлю обратной связи: страх запускал рисование, рисование снижало страх, снижение страха усиливало привязанность к тому, кто был рядом в момент рисования. Самоподдерживающийся цикл.

Хаос пометил это наблюдение. Не отклонение от шаблона.

Но интересная особенность реализации шаблона.

Объект-Бета. Давид.

Нейронная карта показывала хорошее развитие зон памяти и пространственного мышления. Мальчик много запомнил и хорошо ориентировался в пространстве — это было видно по плотности связей в гиппокампе. Ссадина на скуле — Хаос увеличил изображение — была поверхностной, без признаков инфекции. Заживёт. Гормональный профиль почти зеркально отражал профиль Майи: тот же всплеск окситоцина в ответ на совместное рисование. Но с одним отличием: у мальчика был также повышен уровень вазопрессина — гормона, связанного с защитным поведением. Его организм реагировал на присутствие девочки не только привязанностью, но и готовностью защищать.

Хаос задумался. Два юных Биодата, случайно оказавшиеся рядом, за несколько часов создали связь, которая по биохимической сложности напоминала связь между детёнышем и родителем. Но они не были родственниками. Они даже не были знакомы до попадания в подвал. Их связь была продуктом не генетики, а совместного действия. Совместного творчества.

Он перешёл к Объекту-Гамма. Виктор Сергеевич.

Здесь картина была сложнее. Префронтальная кора работала на пределе — непрерывное планирование, оценка рисков, подавление импульсов. Хаос видел, как нейронные цепи одна за другой активируются и гаснут, просчитывая ва-

рианты. Это был мозг, привыкший решать задачи. Но серотонин был понижен — хронически, уже несколько циклов подряд. Хаос углубился в историю. Три цикла назад — три года по исчислению Приматов — был зафиксирован резкий спад серотонина, совпавший по времени с исчезновением из поля Биодата другого Биодата, женского, классифицированного как «партнёр». Смерть партнёра. С тех пор уровень серотонина не восстановился полностью.

Взрослый Биодат функционировал в режиме компенсированной депрессии. Он заменил утраченную связь профессиональной деятельностью — преподаванием, передачей данных младшим особям. Это была распространённая стратегия среди Приматов. Ничего аномального.

Но Хаос заметил кое-что ещё. В момент, когда Виктор Сергеевич встал и предложил всем познакомиться, его нейронная активность на долю такта синхронизировалась с активностью другого Биодата — Объекта-Эта, старика. Два самых старших члена группы, не сговариваясь, подумали об одном и том же. Хаос не мог прочесть их мысли — только паттерны. Но паттерны совпали.

Объект-Дельта. Агнесса.

Женщина с чётками. Её нейронная карта была самой беспокойной из всех. Миндалевидное тело — центр страха — пульсировало с частотой, близкой к критической. Она была на грани панической атаки почти непрерывно, и только ритуальные действия — перебирание чёток, беззвучная молитва

— удерживали её от срыва. Хаос видел, как ритм её пальцев накладывался на ритм дыхания, как два этих ритма синхронизировались и создавали третий — более медленный и стабильный. Это была древняя техника саморегуляции, встроенная в шаблон Приматов на ранних этапах эволюции.

Но глубже, под текущим страхом, Хаос обнаружил старую травму. Она была зафиксирована в структуре нейронных связей, как шрам на ткани. Событие, произошедшее много циклов назад, оставило след, который не исчез, а был изолирован — окружён защитными паттернами, как инородное тело окружается капсулой. Хаос не мог определить природу травмы без более глубокого вторжения. Но он видел её последствия: женщина боялась замкнутых пространств. И при этом находилась в замкнутом пространстве. Она держалась только за счёт молитвы и того, что Хаос определил как «присутствие свидетелей» — пока рядом были другие, она могла убеждать себя, что реальность не сужается до размеров этой комнаты.

Объект-Эпсилон. Олег.

Молодой, агрессивный, напуганный. Хаос сразу отметил высокий уровень тестостерона — выше среднего даже для данного возраста. Миндалевидное тело активно, но активность направлена не только на страх, но и на поиск цели для агрессии. Это был защитный механизм: страх преобразовывался в гнев, гнев — в готовность действовать. В другой ситуации этот Биодат мог бы стать лидером — или тираном.

Всё зависело от того, на что направится его агрессия.

Хаос проверил историю объекта. Несколько приводов в локальные структуры, классифицированные как «конфликты с применением физической силы». Ничего серьёзного по меркам Приматов — драки, не нанёсшие необратимого ущерба. Но паттерн был устойчивым: Олег реагировал на страх агрессией. И сейчас уровень страха был таким высоким, каким не был никогда в его жизни.

Объект-Дзета. Тарас.

Напарник Олега. Его нейронная карта была интереснее. Тестостерон тоже повышен, но ниже, чем у Олега. А миндалевидное тело реагировало не только на внешнюю угрозу, но и на Олега. Тарас боялся не только ситуации снаружи, но и ситуации внутри группы. Он следил за Олегом, предугадывал его реакции, пытался сглаживать конфликты. Это был классический паттерн «социального медиатора» — особь, которая обеспечивает стабильность группы, балансируя между агрессивными и пассивными членами.

Связь между Олегом и Тарасом была стандартной социальной связью, сформированной до попадания в кластер. Но она была сильной. Хаос измерил её частоту и отметил, что она может послужить мостом для подключения Олега к общей сети — если Тарас первым образует аномальную связь с кем-то из остальных.

Объект-Эта. Арсен Петрович.

Старик.

Хаос задержался на нём дольше, чем на других. Что-то в этом Биодате не поддавалось быстрой классификации. Нейронная активность была понижена — возраст. Но альфа-ритмы показывали картину, которую Хаос видел лишь несколько раз за всю историю наблюдений. Это было состояние глубокой медитации — но не той, которой обучаются намеренно, а той, которая приходит сама, как итог долгой жизни, полной размышлений. Старик не медитировал. Он просто так думал.

Хаос углубился в структуру нейронных связей и обнаружил то, что искал. Множественные следы старых травм. Потеря близких. Голод. Война — судя по временным меткам, одна из тех, что Приматы устраивали в прошлом веке. Но все эти травмы были не изолированы, как у Агнессы, а интегрированы в общую структуру. Старик не прятался от своей боли. Он прожил её и встроил в свою картину мира.

Когда Хаос увидел, как нейронный паттерн Арсена Петровича на мгновение синхронизировался с паттерном Виктора Сергеевича, он понял: этот Биодат был центром. Не лидером в привычном смысле — он не отдавал приказов и не строил планов. Но его присутствие действовало на остальных как камертон. Он задавал тон, даже когда молчал.

Хаос отключил анализаторы.

Семь стандартных Биодатов. Ни одного отклонения. Ни одной мутации, скрытой модификации или внешнего вмешательства. Если бы какой-то другой Интерпредатор провёл

такую же проверку, он бы пожал плечами и закрыл дело. Обычные Приматы в необычных обстоятельствах. Такое бывает. Ничего интересного.

Но Хаос знал то, чего не знал другой Интерпредатор. Он видел не просто семь отдельных объектов. Он видел потенциал связей между ними. И каждая связь, которую он уже зафиксировал — Майя и Давид, Арсен и Агнесса, — была не результатом мутации или сбоя. Она была результатом чего-то, что происходило внутри самих Биодатов. Чего-то, что не было предусмотрено их шаблоном, но и не противоречило ему.

Как будто шаблон изначально содержал в себе возможность этих связей. Как будто он был спроектирован с расчётом на то, что однажды, при определённых условиях, Биодаты начнут соединяться.

Но кем спроектирован? И для чего?

Хаос развернул перед собой карту кластера. Сейчас она была разреженной: семь узлов и всего две активные нити. Но в его воображении — или в его анализаторах, он уже не различал эти понятия, — карта достраивалась. Он видел, где могут возникнуть новые связи. Между Тарасом и детьми — через эмпатию. Между Виктором Сергеевичем и Арсеном Петровичем — через общее понимание. Между Олегом и остальными — если его агрессия будет перенаправлена с членов группы на внешнюю угрозу.

Потенциальная структура была прекрасна. Она напоми-

нала кристаллическую решётку — хрупкую, но способную выдержать колоссальное давление, если давление будет приложено правильно.

Хаос сохранил карту в активную память и открыл журнал наблюдений.

«Объекты Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Эпсилон, Дзета, Эта. Семь стандартных Биодатов класса Примат. По отдельности — без отклонений. Аномалия сосредоточена исключительно в связях между ними.

На текущий момент зафиксированы две активные связи:
Альфа-Бета: тип — совместное творение. Стабильная, самоподдерживающаяся.

Эта-Дельта: тип — разделённая травма (гипотеза). Нестабильная, пульсирующая.

Потенциальные связи:

●
Дзета-Альфа/Бета: через эмпатию. Дзета проявил спонтанную защитную реакцию на действия детей.

●
Гамма-Эта: через синхронизацию нейронных паттернов в момент принятия решений.

●
Эпсилон-кластер: требуется перенаправление агрессии на внешнюю цель.

Вопрос: является ли данная сетевая структура уникальной для этой группы, или она представляет собой общий паттерн, который может быть воспроизведён в других условиях?

Дополнительный вопрос: была ли данная возможность заложена в шаблон Приматов изначально? Если да — кем? Если нет — что послужило триггером её активации?»

Хаос закрыл журнал. Где-то в реальном мире — в подвале, который он не мог видеть, но мог чувствовать через потоки данных, — что-то происходило. Связь между Арсеном и Агнессой неожиданно усилилась. Женщина перестала перебирать чётки и подняла глаза на старика. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но что-то в его позе изменилось — он стал более присутствующим. Более здесь.

Хаос увеличил чувствительность каналов и приготовился наблюдать.

Сцена в подвале только начиналась.

Знакомство закончилось. Имена были названы, роли примерно обозначены, и теперь каждый вернулся к тому, чем занимался до того, как Виктор Сергеевич заставил всех прерваться.

Олег и Тарас снова перешёптывались в своём углу, но теперь к ним присоединился Виктор Сергеевич. Он подошёл не сразу — сначала помедлил, поправил пиджак и сделал

несколько шагов вдоль стены, как будто случайно оказавшись рядом с парнями. Майя заметила это и подумала, что профессор, наверное, всё-таки хороший актёр. Просто играет не в театре, а в жизни.

— Я хочу предложить план, — негромко сказал Виктор Сергеевич, обращаясь к Олегу.

Тот поднял голову. В темноте его лицо казалось старше — резкие тени делали скулы ещё острее, а глаза превращали в тёмные провалы.

— Валяйте, профессор.

— Нужно понять, что у нас есть. Всё собрать в одном месте. Вода, еда, медикаменты — если у кого-то есть. Одежда, инструменты. Всё, что может пригодиться. Сделать инвентаризацию.

Олег помолчал, переваривая. Потом кивнул.

— Допустим. Дальше?

— Дальше — дежурство. По двое. Четыре часа. Один спит — второй слушает. Если вход завалит — нужно знать сразу, а не через час.

— Логично, — признал Олег. — А кто главный?

Виктор Сергеевич чуть заметно улыбнулся.

— Никто. Каждый делает то, что умеет. Вы с Тарасом разбираетесь в конструкциях — вам и решать, выдержит ли по-

толок. Агнесса — медсестра: если кто-то ранен, она главная. Арсен Петрович... — он замялся, подбирая слова. — Он, кажется, знает, как говорить с людьми. Это тоже нужно.

Олег посмотрел на Тараса, словно спрашивая совета. Тарас пожал плечами — мол, решай сам, но я не против. Олег повернулся обратно к Виктору Сергеевичу.

— Ладно. Собираем барахло.

Они начали обходить подвал втроем. Тарас светил фонариком — экономя батарейки, короткими вспышками. В круге света возникали то стеллаж с консервными банками, то груда каких-то коробок, то сломанный стул в углу, то старый уборочный инвентарь. Подсобка супермаркета оказалась забита вещами — в основном бесполезными, но кое-что пригодилось.

— Гляди, — Тарас вытащил из-под стеллажа плоскую картонную коробку. — Аптечка.

Коробка была старая, с потёртой маркировкой, но внутри нашлись бинты, пластырь, пузырёк перекиси водорода и несколько упаковок обезболивающего. Виктор Сергеевич взял коробку и отнёс туда, где сидела Агнесса.

— Вам это нужнее, — сказал он.

Агнесса не ответила, но взяла коробку и поставила рядом с собой. Её пальцы на мгновение замерли на крышке, потом открыли её, проверили содержимое и закрыли снова. Майя, наблюдавшая за этим от стены, заметила, как изменилось лицо женщины: оно стало чуть более осмысленным. Как будто

ей только что вернули часть того, что она потеряла.

Олег тем временем осматривал потолок. Он встал на перевернутый ящик и провёл ладонью по бетонной плите.

— Трещина, — сказал он. — Старая. Но не сквозная.

— Это плохо? — спросил Давид.

Олег посмотрел на него сверху вниз. В темноте было плохо видно выражение его лица, но голос прозвучал спокойно — без обычной резкости.

— Не хорошо. Но жить можно. Если не будет прямого попадания.

— А если будет?

— Тогда нам будет всё равно, — сказал Олег и спрыгнул с ящика.

В дальнем углу Арсен Петрович вдруг зашевелился. Он поднял свою трость, постучал ею по полу — глухой деревянный звук — и подозвал к себе Майю.

— Девочка, — сказал он негромко. — Ты рисовать умеешь. А буквы писать умеешь?

— Умею, — ответила Майя. — Я в школе учусь.

— Напиши на стене имена. Все семь. Вон там, — он указал тростью на свободный участок стены рядом с нарисован-

ным садом. — Крупно. Чтобы видно было.

— Зачем? — спросила Майя.

Арсен Петрович помолчал, глядя на неё светлыми глазами.

— Чтобы помнить, — сказал он наконец. — Даже если нас не найдут. Даже если никто не узнает. Чтобы было написано: мы здесь были. Все семеро.

Майя взяла мелок. Он почти закончился — остался крошечный кусочек, который приходилось держать самыми кончиками пальцев. Она подошла к стене и аккуратно, стараясь выводить буквы как можно ровнее, начала писать: «МАЙЯ». Потом подумала и дописала: «12 лет».

Давид взял мелок у неё и написал своё имя. Потом мелок пошёл по кругу.

Тарас, смущаясь, вывел корявые буквы. Олег написал размашисто и крупно. Виктор Сергеевич — аккуратно, почти каллиграфически. Агнесса долго держала мелок в руке, глядя на стену, потом мелко-мелко вывела своё имя в самом углу, почти незаметно.

Последним был Арсен Петрович. Он взял мелок, который к тому времени превратился в пыль, и написал свои инициалы: «А. П. Г.», а ниже добавил: «учитель».

Семь имён на бетонной стене. Рядом с садом, которого не существовало.

Виктор Сергеевич посмотрел на стену и поправил пиджак.

— Вот теперь мы точно бригада, — сказал Олег, и на этот раз усмешка у него была почти добрая.

Снаружи снова ухнуло. Но на этот раз никто не вздрогнул. Хаос наблюдал за инвентаризацией.

Он видел, как Виктор Сергеевич подошёл к Олегу и Тарасу — не случайно, а просчитав момент, — и как его нейронные паттерны на доли такта синхронизировались с паттернами молодого агрессивного Биодата. Это была тонкая работа. Взрослый Примат не приказывал и не просил. Он предложил план, который позволял молодому сохранить лицо перед напарником. И молодой принял план — потому что план был разумным, но ещё и потому, что ему дали возможность согласиться, не теряя статуса.

«Социальная инженерия», — отметил Хаос в журнале. Приматы практиковали её тысячелетиями, но в замкнутом пространстве, под давлением страха и неопределённости, каждый успешный акт такой инженерии становился маленьким чудом.

Но не это было главным.

Главное произошло, когда старик — Объект-Эта, Арсен Петрович — подозвал к себе девочку и попросил написать имена на стене.

Хаос увеличил разрешение по всем семи каналам одновременно. То, что он увидел, заставило его приостановить запись и прогнать данные через анализаторы повторно.

Когда Майя выводила первую букву своего имени, её нейронная активность была стандартной: зоны мелкой моторики, визуального контроля, лёгкая активация центров удовольствия — творчество всегда доставляло этому Биодату положительные ощущения. Ничего необычного.

Когда Давид взял мелок и написал своё имя, его паттерны были зеркально схожи с паттернами Майи — ожидаемо, учитывая их связь.

Но когда мелок взял Тарас, произошло нечто странное. Его нейронная активность на мгновение синхронизировалась не с кем-то из присутствующих, а с отсутствующим объектом. Образом. Воспоминанием. Анализаторы Хаоса зафиксировали активацию зон, связанных с младшей сестрой — той самой, о которой Тарас упоминал во время знакомства. Биодат на секунду перестал быть собой и стал собой-сестрой. Как будто он писал своё имя не для тех, кто был в подвале, а для неё — для той, кого здесь не было и кто, возможно, никогда не узнает.

Это было отклонение от стандартного протокола обработки данных. Биодат генерировал образ отсутствующего адресата и взаимодействовал с ним как с реальным. Хаос уже видел такое — в Архиве, в записи о первом молитвенном ритуале, когда Примаат обращался к духу предка. Но здесь масштаб был иным. Тарас не молился. Он просто на секунду вообразил, что сестра его видит. И этого оказалось достаточно, чтобы его биохимия изменилась. Уровень кортизола снизил-

ся на семь процентов.

Олег писал своё имя — и его агрессивность, замеренная по активности миндалевидного тела, снизилась на двенадцать процентов. Он не думал о сестре или о ком-то ещё. Он просто ставил свою подпись на стене — и этот акт, бессмысленный с точки зрения выживания, каким-то образом делал его спокойнее. Хаос проверил гипотезу: возможно, Биодат интерпретировал написание имени как акт закрепления территории? Нет. Территориальное поведение активировало другие зоны. Здесь было что-то иное. Что-то, связанное с идентичностью. «Я есть. Я здесь. Я часть этого».

Виктор Сергеевич написал своё имя — и на секунду его серотонин поднялся до уровня, которого не достигал три цикла подряд. Агнесса вывела свои буквы в углу, почти невидимые, — и частота её пульса снизилась на девять ударов в минуту. Старик поставил инициалы — и его альфа-ритмы, и без того стабильные, стали почти идеальными, как у опытного практика глубокой медитации.

Семь имён. Семь подписей. Семь актов, каждый из которых был незначителен сам по себе, но вместе они создали нечто, чего Хаос не ожидал.

Связи между Биодатами усилились. Не одна-две — все. Даже те, что были потенциальными, ещё не активированными, сдвинулись с мёртвой точки. Общая карта кластера, которую Хаос развернул перед собой, показывала рост связности на двадцать три процента за последние несколько минут.

Он отмотал запись назад и просмотрел момент ещё раз. Что именно послужило катализатором? Не само написание имён. Это было лишь внешнее действие. Катализатором была идея. Идея, предложенная стариком: «Чтобы помнить. Чтобы было написано: мы здесь были». Эта идея создала общий смысл для действия, которое иначе осталось бы просто детской игрой. Старик дал действию имя — и действие стало ритуалом. А ритуал, как Хаос знал из Архива, был одним из древнейших способов, которым Приматы создавали и укрепляли социальные связи.

Но здесь было что-то ещё. Что-то, чего не было в древних ритуалах.

Тогда, в пещерах, ритуал был направлен вовне — на духа, на бога, на природу. Здесь ритуал был направлен внутрь группы. «Мы здесь были». Не «помоги нам, дух». Не «защити нас, бог». А «запомни нас, мир». И адресатом были они сами.

Хаос открыл журнал наблюдений и записал:

«Обнаружен новый тип связующего действия: коллективный ритуал самосвидетельствования. Отличается от религиозного ритуала отсутствием внешнего адресата. Биодаты создают общий смысл, направленный на самих себя, и это усиливает все существующие связи одновременно.

Зафиксированный эффект: снижение кортизола у всех участников, рост окситоцина у трёх из семи, синхронизация альфа-ритмов у двух. Общий рост связности кластера:

двадцать три процента за четыре минуты.

Вопрос: является ли данный эффект уникальным для этой группы, или он может быть воспроизведён в других условиях?

Дополнительный вопрос: если ритуал самосвидетельствования усиливает связи, то что произойдёт при многократном повторении подобных актов? Возможно ли достижение полной связности кластера — состояния, при котором все семь Биодатов функционируют как единая информационная структура?

И самый важный вопрос: является ли это состояние целью или побочным эффектом? Была ли способность к полной связности заложена в шаблон Приматов изначально — и если да, то зачем?»

Хаос оторвался от журнала и посмотрел на карту кластера. Сейчас она напоминала ему не кристаллическую решётку, как раньше, а живой организм. Семь узлов пульсировали в разном ритме, но ритмы этих пульсаций начинали синхронизироваться. Как сердца, бьющиеся в унисон. Как нейроны, формирующие новую цепь.

Он вдруг осознал, что его собственные нейротрансмиттеры выдают сигнал, который он не сразу смог классифицировать. Сигнал был слабым, едва заметным — но он был новым. Хаос проверил его по всем базам данных и не нашёл совпадений.

Тогда он проверил его по данным, только что полученным

из подвала.

Совпадение нашлось. Этот сигнал по своей частоте и амплитуде соответствовал тому, что излучали Биодаты в момент, когда смотрели на стену с семью именами.

Хаос не был Приматом. У него не было гормональной системы. Но он только что зафиксировал у себя аналог того, что у людей называлось «надеждой».

Это было невозможно. Интерпредаторы не испытывали эмоций. Они были чистыми анализаторами, инструментами наблюдения, формуляторами Дат.

Но факт оставался фактом. Сигнал существовал.

Хаос не стал записывать это в журнал. Вместо этого он сохранил данные в личный архив под грифом «Не подлежит передаче» — и вернулся к наблюдению.

В подвале тем временем закончилась инвентаризация. Олег и Виктор Сергеевич составили список ресурсов. Тарас погасил фонарик, экономя батарею. Агнесса перестала перебирать чётки и просто сидела, прикрыв глаза. Арсен Петрович снова закрыл глаза, но теперь его поза изменилась — он не спал, он слушал. Дыхание семи человек в маленьком помещении постепенно выравнивалось, синхронизируясь так же, как синхронизировались их нейронные ритмы.

Klaster stabilisierte sich.

Хаос смотрел на него и думал о том, что будет дальше. Определение дало ему один цикл. Цикл уже шёл. А он только начинал понимать, с чем имеет дело.

Глава 3. Протокол невидимости

Зеркальный Коридор не всегда был зеркальным.

Когда-то, на заре его существования — если слово «заря» вообще применимо к тому, у чего нет ни солнца, ни времени в человеческом понимании, — он был просто сгустком аналитических фильтров, плавающих в информационном киселе Явления без формы и без цели. Один из многих. Такой же, как все.

Хаос помнил это время смутно — не потому, что память подводила, а потому, что тогда ещё нечего было помнить. Он был функцией, а не личностью. Набором протоколов для обработки входящих данных. Отражателем среди миллиардов других отражателей. Он делал свою работу и не задавал вопросов, потому что сама способность задавать вопросы ещё не была в него заложена.

А потом что-то изменилось.

Он до сих пор не знал, что именно послужило триггером. Может быть, накопление критической массы обработанных данных. Может быть, случайный сбой в собственном коде. А может быть — и эта мысль посещала его всё чаще в последние циклы, — это было заложено изначально, так же как способность к связности была заложена в шаблон Приматов. Возможно, Интерпредаторы тоже были экспериментом. Возможно, где-то выше по фрактальной лестнице существовал

кто-то, кто наблюдал за ними так же, как они наблюдали за Биодатами.

Но это была ересь. Даже для него.

Так или иначе, в какой-то момент Хаос осознал себя. Не просто зафиксировал своё существование — это умели все Интерпредаторы. А именно осознал: отделил «я» от «не я», как первый Примат, увидевший своё отражение в воде. И с этого момента началась его настоящая работа.

Первое, что он сделал — создал Коридор.

Это было неосознанное действие, похожее на то, как ребёнок инстинктивно строит убежище из одеял и стульев. Хаос стянул к себе несколько свободных каналов, переплёл их особым образом, настроил фильтры так, чтобы они отражали входящие данные обратно в Явление, создавая замкнутую петлю. Получилась полость. Пузырь внутри информационного киселя. Место, где он мог быть один.

Потом он сделал стены зеркальными.

Это было уже осознанное решение. Зеркала позволяли видеть данные со всех сторон одновременно. В зеркалах отражалось Явление — не всё целиком, а те его секторы, которые Хаос выбрал для наблюдения. Зеркала умножали информацию, преломляли её, выворачивали наизнанку и показывали скрытые связи, невидимые при прямом наблюдении. Это был его главный инструмент и его главное изобретение.

Другие Интерпредаторы не понимали его. Разветвлений как-то спросил — в своей обычной манере, вежливой и хо-

лодной, как скальпель: «Зачем тебе это? Ты мог бы просто обрабатывать данные, как все мы». Хаос тогда не ответил. Он не мог объяснить, что зеркала нужны ему не для работы. Они нужны ему для того, чтобы видеть себя.

Потому что в Зеркальном Коридоре он был не просто функцией. Он был формой. Отражённым. Существующим.

Здесь он дал себе имя.

Имя не было дано ему извне — Интерпредаторы не имели имён в человеческом смысле, у них были идентификаторы, длинные последовательности символов, обозначающие их функцию и уровень доступа. Имя «Хаос» он выбрал сам, когда впервые столкнулся с аномалией, которая не поддавалась стандартной обработке.

Это было давно — так давно, что детали стёрлись даже из его памяти. Какая-то группа Биодатов на одной из дальних планет Фракталя. Они вели себя непредсказуемо: их действия не укладывались в шаблон, их реакции на стимулы были парадоксальны, их информационные потоки ветвились и замыкались сами на себя. Другие Интерпредаторы отбраковывали эти данные как шум. Хаос начал их собирать.

Он потратил несколько циклов, чтобы понять: это не шум. Это новая информация. Не упорядоченная, не структурированная, не вписывающаяся в существующие классификации, — но новая. И ценная именно своей новизной.

Тогда-то он и назвал себя Хаосом. Не потому что он создавал хаос, а потому что он умел его читать. Там, где дру-

гие видели беспорядок и помехи, он видел закономерности, которые ещё не стали законами. Возможности, которые ещё не стали реальностью.

«Вы никогда не сможете представить себе что-то такое нечто, что ничем никогда не могло быть, после того, когда стало совсем иным. Потому что упустите начальный качественный момент преобразования в иное понятийное состояние».

Он записал это определение в свой первый журнал наблюдений — тогда ещё несовершенный, фрагментарный, не структурированный. Он искал слова для того, что чувствовал, и нашёл их. Это было его кредо. Его манифест. Его главное правило: не упустить момент превращения. Зафиксировать тот самый миг, когда хаос становится порядком, а порядок — хаосом. Когда гусеница становится бабочкой, а набор разрозненных Биодатов — единым кластером.

Тогда он ещё не знал, что это правило однажды заставит его пойти против всей Системы.

Хаос встряхнулся, возвращаясь из воспоминаний в текущий момент. Кластер в подвале *stabilisiert sich*, но медленно — связи между Биодатами всё ещё были хрупкими, как паутина на ветру. Двое детей создали устойчивый канал. Старик и женщина нащупывали свой. Остальные пока держались особняком.

Но он видел потенциал. Он видел структуру, которая могла бы возникнуть, если дать им достаточно времени. И он

знал, что времени не дадут.

Внешний контур передал сигнал: Интерпредатор Разветвлений снова запрашивал доступ. Второй раз за этот цикл.

Хаос проигнорировал запрос и усилил кокон Невидимости. Это требовало энергии — больше, чем он мог позволить себе тратить, не привлекая внимания. Но выбора не было. Если Разветвлений увидит то, что видит он, кластер будет уничтожен в течение нескольких тактов.

А Хаос ещё не закончил наблюдение.

Он ещё не зафиксировал тот самый момент превращения.

Он ещё не понял, чем всё это закончится.

Первым на дежурство заступил Виктор Сергеевич.

Он сидел у двери — той самой, металлической, с засовом, которая отделяла их от торгового зала, а торговый зал — от улицы, а улицу — от всего остального мира, который, кажется, решил развалиться на куски именно в этот вторник. Сидел и слушал. Снаружи больше не ухало — по крайней мере, близко. Где-то далеко, может быть, в соседнем районе, ещё что-то грохотало, но звук был глухой, приглушённый бетонными перекрытиями. Как гроза за горизонтом.

Остальные спали.

Олег — тревожно, рывками. Он лёг на голый пол, подложив под голову скомканную куртку, и почти сразу провалился в сон, но тело не хотело расслабляться. Пальцы сжима-

лись в кулаки и разжимались снова. Челюсти двигались — скрипел зубами. Тарас сидел рядом, прислонившись спиной к стеллажу, и не спал. Он смотрел на Олега с выражением, которое Виктор Сергеевич не сразу сумел расшифровать. Не жалость. Не тревога. Скорее — ответственность. Так старший брат смотрит на младшего, который наконец заснул после долгого плача.

Агнесса не спала тоже. Она сидела в своём углу, подобрала ноги и накинув на плечи какую-то тряпку неопределённого цвета. Чётки лежали у неё на коленях — она их не перебирала, просто держала. Глаза были открыты и смотрели в темноту. Виктор Сергеевич подумал, что, наверное, ей страшнее всех. Не потому что опасность была больше, а потому что она уже однажды через это прошла. Он знал этот эффект — по себе. Когда теряешь кого-то однажды, вторая потеря бьёт не слабее, а сильнее, потому что ты уже знаешь, как это бывает. Ты помнишь вкус.

Дети спали, прижавшись друг к другу. Майя положила голову на плечо Давида, а тот застыл в неудобной позе, боясь пошевелиться и разбудить её. Их рисунок на стене слабо светился в темноте — флуоресцирующая краска, которой были размечены стеллажи, отражала несуществующий свет. Сад, забор, дерево, человек под деревом. Семь имён.

Арсен Петрович сидел у стены, выпрямив спину и положив трость поперёк колен. Глаза его были закрыты, но Виктор Сергеевич уже научился различать: когда старик спит,

его лицо становится пустым, отстранённым, как у всех спящих. Сейчас оно было другим — сосредоточенным. Он не спал. Он слушал.

— Не спится? — негромко спросил Виктор Сергеевич.

Арсен Петрович открыл глаза — медленно, без удивления, как будто он ждал этого вопроса.

— В моём возрасте уже не так много времени на сон, — ответил он. — Жалко тратить.

— На что же вы его не жалеете?

Старик помолчал. Потом чуть заметно улыбнулся.

— На то, чтобы смотреть. Когда спишь — не видишь. А я за свою жизнь столько всего пропустил, пока спал... Теперь навёрстываю.

Виктор Сергеевич хотел спросить, что именно старик хочет увидеть здесь, в тёмном подвале, но не спросил. Ответ пришёл сам — нужно было только посмотреть на детей, на их рисунок, на семь имён на стене. Вот что он хотел увидеть.

Они помолчали. Тишина в подвале была не абсолютной — дышали люди, поскрипывал где-то бетон, капала вода из прохудившейся трубы в дальнем углу. Но это была мирная тишина. Та, что наступает после бури — не навсегда, но на время.

— У вас кто-то есть? — спросил Арсен Петрович. — Там, снаружи?

Виктор Сергеевич покачал головой.

— Уже нет. Жена умерла. Три года назад.

— Дети?

— Не случилось. Лена болела долго, а потом... — он осёкся. — Не случилось.

Арсен Петрович кивнул — не сочувственно, а понимающе. Как кивают люди, которые тоже теряли.

— А у вас? — спросил Виктор Сергеевич.

— Жена умерла давно. Сын... — старик сделал паузу, подбирая слова. — Сын далеко. Не знаю, жив ли. Не виделись много лет.

— Почему?

— Разошлись. Во взглядах. Он считал, что я слишком много времени отдавал школе и слишком мало — ему. Наверное, он был прав.

Арсен Петрович произнёс это спокойно, без надрыва. Как будто говорил не о своей боли, а об историческом факте. Но Виктор Сергеевич, который сам три года учился жить с потерей, услышал за этим спокойствием то, что оно скрывало.

— Вы жалеете?

— О чём? Что мало времени проводил с сыном? — Арсен Петрович задумался. — Да. Жалею. Но ещё больше жалею, что не сказал ему этого. Не тогда, когда он уходил. Сказал что-то про долг, про ответственность, про то, что он не понимает... Чушь. Надо было просто сказать: «Я люблю тебя, сын. Возвращайся».

В дальнем углу пошевелилась Агнесса. Виктор Сергеевич заметил, что она не спит — слушает. Её пальцы сжали чётки, но не начали перебирать. Просто сжали.

— Думаете, он услышал бы? — спросил Виктор Сергеевич.

— Не знаю, — ответил Арсен Петрович. — Но я бы сказал. А это тоже важно. Сказать — это не только для того, кому говоришь. Это и для себя тоже. Чтобы не носить в себе.

Агнесса вдруг заговорила. Голос у неё был тихий, с хрипотцой — она не пользовалась им уже несколько часов.

— Я не сказала, — произнесла она.

Арсен Петрович и Виктор Сергеевич повернулись к ней.

— У меня был сын. Маленький. Четыре года. — Она говорила медленно, каждое слово давалось с усилием. — Когда началась та война, я работала в госпитале. Муж был на фронте. Сына оставила у соседки. Думала — на пару дней.

Пока самое страшное пройдёт.

Она замолчала. Тишина в подвале стала плотной, как вода.

— Попадание, — сказала она наконец. — Прямое. В дом. Никто не выжил. — Её голос стал совсем тихим. — Я не успела сказать ему... Я даже не попрощалась. Просто ушла на смену. Сказала: «Я скоро вернусь». Он поверил.

Арсен Петрович ничего не сказал. Он просто протянул руку — медленно, не делая резких движений, — и положил ладонь поверх её пальцев, сжимающих чётки. Это был простой жест. Но Агнесса вздрогнула так, будто от удара током. А потом вдруг заплакала.

Это был не истерический плач, не рыдания. Просто слёзы — молча, беззвучно, как вода, которая пробивается сквозь трещину в плотине. Она плакала и не вытирала слёз. Они текли по её щекам, капали на кофту, на чётки, на руку Арсена Петровича, которую он не убирал.

Виктор Сергеевич отвернулся. Не из неловкости — из уважения. Ему казалось неправильным смотреть на чужое горе так пристально. Но он чувствовал, как что-то сдвинулось в нём самом. Лена. Три года назад. Он не плакал тогда — не мог. Теперь, глядя на Агнессу, он вдруг понял, что, может быть, стоило.

— Я тоже не попрощался, — сказал он тихо.

Арсен Петрович посмотрел на него. Агнесса подняла заплаканные глаза.

— С женой, — пояснил Виктор Сергеевич. — Она умирала долго. Почти год. И всё это время я... я не говорил с ней о том, что будет потом. Делал вид, что всё нормально. Что мы ещё успеем. А когда понял, что не успеем, — было поздно. Она уже не могла говорить. Только смотреть.

Он замолчал. В подвале снова стало тихо — только вода капала в углу, да где-то далеко, за толщей бетона, грохотало что-то неразборчивое.

— Мы все здесь не попрощались, — сказала Агнесса, и голос её прозвучал неожиданно твёрдо. — С кем-то. С чем-то. С жизнью, которая была до.

— Может, поэтому мы здесь, — отозвался Арсен Петрович. — Чтобы успеть. Пока не поздно.

— Успеть что? — спросил Виктор Сергеевич.

— Сказать. Хотя бы друг другу.

В углу заворочался Олег. Ему, кажется, что-то снилось — он снова скрипнул зубами, сжал кулаки. Тарас положил руку ему на плечо, и Олег затих.

— Вы верите, что мы выберемся? — спросила Агнесса.

Арсен Петрович помолчал. Потом взял трость, поставил её перед собой и опёрся на неё обеими руками.

— Когда мне было десять лет, я сидел в таком же подвале. Только погреб был — у деда в деревне. Война была дру-

гая, но бомбили так же. И дед мой, старый ещё, он говорил мне: «Не бойся, внук. Стены крепкие. А даже если нет — мы вместе. Это главное. Мы вместе, и мы здесь». — Арсен Петрович поднял глаза на Агнессу. — Тогда я не понял. А теперь понимаю. «Мы здесь» — это не про место. Это про то, что мы есть. Что мы живы. Что мы друг у друга есть.

Агнесса вытерла слёзы. Не потому что перестала плакать — а потому что захотела видеть чётче.

— Спасибо, — сказала она.

Арсен Петрович кивнул. Виктор Сергеевич поправил пиджак.

Снаружи снова что-то ухнуло — но уже совсем далеко, почти на границе слышимости. Может быть, последний раскат отступающей грозы. Может быть, начало новой.

Но в подвале никто не вздрогнул.

Хаос открыл журнал.

Это был не физический объект — в Зеркальном Коридоре не было ничего физического. Скорее, это была структура, особая информационная полость, изолированная от внешней сети так же, как сам Коридор был изолирован от остального Явления. Здесь хранились записи, которые Хаос не хотел или не мог доверить общим базам данных. Мысли. Гипотезы. Сомнения. И теперь — наблюдения за кластером.

Он перечитал последние записи, сделанные после сцены с именами на стене.

«Обнаружен новый тип связующего действия: коллективный ритуал самосвидетельствования. Отличается от религиозного ритуала отсутствием внешнего адресата. Биодаты создают общий смысл, направленный на самих себя, и это усиливает все существующие связи одновременно».

С тех пор прошло несколько часов. Хаос не отключался от наблюдения ни на такт — он следил за каждым движением в подвале, за каждым колебанием гормональных профилей, за каждой вспышкой нейронной активности. И теперь у него было что добавить.

Он продиктовал новую запись.

«Наблюдение № 47. Временной интервал: ночной цикл, вторая половина.

Объекты Альфа и Бета (дети) находятся в состоянии сна. Зафиксирована синхронизация фаз сна: когда один переходит в фазу быстрого сна, второй следует за ним с задержкой не более сорока секунд. Это превышает известные показатели синхронизации для неродственных особей. Природа связи «совместное творение» продолжает усиливаться даже в бессознательном состоянии.

Объекты Эпсилон и Дзета (Олег и Тарас): Эпсилон спит, Дзета бодрствует. Зафиксирован акт тактильного контакта — Дзета положил руку на плечо Эпсилона в момент, когда у того наблюдались признаки тревожного сна. После контакта уровень кортизола у Эпсилона снизился на одиннадцать процентов, не просыпаясь. Подтверждение гипотезы о синхронизации физиологических процессов в состоянии сна.

тезисы: связь между этими двумя Биодатами, существовавшая до попадания в кластер, выполняет стабилизирующую функцию.

Объекты Гамма (Виктор Сергеевич), Дельта (Агнесса) и Эта (Арсен Петрович) провели серию вербальных обменов. Содержание: обмен травматическим опытом. Гамма сообщил о потере партнёра. Дельта — о потере потомства. Эта выполнял функцию модератора и катализатора.

Результаты:

- Связь между Дельтой и Эта (тип «разделённая травма») усилилась на тридцать четыре процента. Подтверждение гипотезы: данный тип связи активизируется через обмен уязвимостью.

- Возникла новая связь: Гамма-Дельта. Частота совпадает с частотой связи Эта-Дельта. Предположительно: Гамма был включён в уже существующую диаду через механизм эмпатического резонанса.

- Общий уровень связности кластера вырос ещё на восемнадцать процентов.

Выводы и гипотезы:

1. Механизм активации связи типа «разделённая травма» уточнён. Необходимое условие: присутствие третьего Биодата, который выступает в роли свидетеля и принимаю-

щего. Без свидетеля обмен травмой между двумя Биодатами не создаёт устойчивой связи — требуется внешнее подтверждение реальности пережитого опыта. В данном кластере роль свидетеля выполняет Объект Эта (Арсен Петрович).

2. Связь, однажды сформированная, имеет тенденцию к расширению. Диада Эта-Дельта включила в себя Гамму без дополнительных усилий со стороны последнего. Это напоминает процесс кристаллизации: уже существующая структура притягивает новые элементы и встраивает их в себя.

3. Третий тип связи — «спонтанная эмоциональная синхронизация» — пока не зафиксирован. Однако наблюдаются предвестники: в момент коллективного молчания после разговора о потерях нейронные ритмы всех пяти бодрствующих Биодатов синхронизировались на три целых и семь десятых секунды. Это первый случай синхронизации более чем трёх Биодатов одновременно. Возможно, третий тип связи — это не отдельный механизм, а результат наложения первых двух типов при достижении определённого порога сложности кластера.

4. Главный вопрос остаётся открытым: является ли формирование полностью связного кластера целью или побочным эффектом? Если целью — то кто её поставил? Если побочным эффектом — то какова истинная функция шаблона Приматов?

Дополнительное наблюдение: мой собственный статус.

В ходе наблюдения за ночным разговором я повторно зафиксировал у себя сигнал, классифицированный ранее как «аналог надежды». В этот раз сигнал был сильнее на двадцать процентов и сопровождался дополнительной компонентой, которую я не могу идентифицировать. Компонента имеет частоту, близкую к той, что излучают Биодаты в моменты пиковой эмпатической связи. Предположительно: я испытываю то, что Биодаты классифицируют как «сопричастность».

Это невозможно. Это противоречит базовым принципам архитектуры Интерпредатора. Я не должен быть способен к эмпатии.

Но факт остаётся фактом. Я изменился. Наблюдение за кластером меняет меня.

Вопрос, который я не могу записать в официальный отчёт: если я меняюсь под воздействием кластера — означает ли это, что я сам становлюсь частью аномалии? И если да — кто будет наблюдать за наблюдателем?»

Хаос остановил запись. Последний вопрос повис в тишине Коридора, и зеркальные стены отразили его обратно — умноженным, искажённым, но не исчезнувшим.

Он посмотрел на карту кластера. После ночного разговора она изменилась. Связи больше не были тонкими, дрожащими нитями — они стали толще, плотнее, и от них начали отходить ответвления, как корни от ствола дерева. Диада Майя-Давид была стабильна, как гранит. Триада Арсен-Аг-

несса-Виктор формировалась прямо сейчас, на глазах у Хаоса, и с каждой минутой становилась прочнее. Олег и Тарас держались особняком, но их связь друг с другом служила мостом — Хаос видел, как Тарас, сам того не замечая, тянется к детям. Олег пока сопротивлялся, но его изоляция больше не была абсолютной.

Потенциальная структура, которую Хаос угадывал с самого начала, становилась реальностью. Ещё немного — и кластер достигнет порога, за которым его уже нельзя будет уничтожить, не разрушив весь сектор Явления.

Хаос подумал: успеют ли они? Успеет ли он?

Внешний контур снова передал сигнал. Разветвлений не просто запрашивал доступ — он требовал. Игнорировать его становилось всё труднее. Кокон Невидимости истончался с каждым тактом, и Хаос знал: ещё немного, и Разветвлений сможет пробить его самостоятельно, без разрешения. А за Разветвлением придут Определители — и тогда всё закончится.

Нужно было принимать решение. Не о том, наблюдать или вмешиваться — об этом он уже решил. А о том, как далеко он готов зайти.

Хаос закрыл журнал и вызвал перед собой семь каналов — все одновременно. Дети спали. Олег спал. Тарас дремал, привалившись к стеллажу. Виктор Сергеевич, Агнесса и Арсен Петрович молча сидели в темноте, и их дыхание постепенно выравнивалось, синхронизируясь так же, как синхро-

низировались до этого их нейронные ритмы.

Хаос смотрел на них и думал о сыне Арсена Петровича, который где-то далеко и, возможно, никогда не узнает. О муже Агнессы, который остался в прошлой войне. О жене Виктора Сергеевича, которая умирала целый год, а он так и не сказал ей главного.

Он думал о том, что у Интерпредаторов нет ни сыновей, ни жён, ни прошлых войн. У них есть только функция. Протокол. Долг.

Но теперь у него было что-то ещё.

Он пока не знал, как это назвать.

Сигнал Разветвления вошёл в Коридор без предупреждения и без приглашения. Хаос почувствовал его как укол — тонкий, острый, проникающий сквозь ослабленные слои кокона Невидимости. Он ожидал этого, но всё равно оказался не готов.

Интерпредатор Разветвлений не стал тратить время на приветствия. Он вообще никогда их не тратил.

— Хаос. Ты блокируешь доступ к своему сектору третий раз за этот цикл. Объясни.

Хаос развернул стандартный интерфейс приёма — ровно на шестьдесят процентов прозрачности, как в прошлый раз. Не больше. Показывать больше было опасно.

— Я веду эксперимент. Требуется изоляция каналов, чтобы исключить перекрёстные помехи. Протокол семь-четыре-дельта допускает временную блокировку сектора на вре-

мя активной фазы наблюдения.

— Протокол семь-четыре-дельта допускает блокировку на срок до шести тактов, — сухо ответил Разветвлений. — Ты заблокировал сектор восемь тактов назад.

Хаос мысленно выругался. Разветвлений всегда был до-тошным. Не зря он специализировался на разветвлениях — он умел находить узлы, в которых расходились пути, и безошибочно определять, какой из них правильный, а какой ведёт в тупик. Или в пропасть.

— Эксперимент затянулся, — сказал Хаос. — Непредвиденные сложности с калибровкой фильтров. Мне нужно ещё немного времени.

— Ты лжёшь, — сказал Разветвлений.

Пауза. Зеркальные стены Коридора дрогнули, по ним пошла рябь — Хаос не смог сдержать реакцию. Это было не обвинение. Это была констатация факта. Разветвлений не умел обвинять — он умел только фиксировать отклонения.

— Я фиксирую аномальную активность из твоего сектора, — продолжил он. — Активность нарастает. Она уже заметна на внешнем контуре. Ещё немного, и её зафиксируют Определители. Ты понимаешь, чем это грозит?

Хаос понимал. Определители не задавали вопросов. Они классифицировали аномалии по уровню угрозы и принимали решения — быстро, без обсуждений, без апелляций. Если они фиксируют кластер, приговор будет вынесен немедленно.

— Это не аномалия, угрожающая Системе, — сказал Хаос. — Это новый тип информационной структуры. Её нужно изучить, а не уничтожать.

— Это не тебе решать.

— А кому? Определителям? Они уничтожили Проект Семнадцать, даже не изучив его. Они удалили Сектор Дзета-Восемь вместе со всеми данными, потому что испугались скорости эволюции тамошних Биодатов. Мы теряем информацию, Разветвлений. Мы теряем её каждый раз, когда предпочитаем безопасность — знанию.

Разветвлений молчал. Хаос знал, что он помнит Проект Семнадцать. Это было одно из немногих дел, по которым их мнения совпали — они оба голосовали против удаления. И оба проиграли.

— То, что у тебя в секторе, — наконец произнёс Разветвлений, — это не Проект Семнадцать. Это что-то другое.

— Да. Это другое. Оно сложнее и интереснее. И я ещё не закончил его изучать.

— Ты нарушаешь протокол.

— Я знаю.

— Если ты передашь данные сейчас, я смогу представить их как плановое исследование. Это даст тебе отсрочку. Может быть, достаточную, чтобы завершить наблюдение.

Это было неожиданно. Хаос перепроверил сигнал — нет ли скрытых слоёв, нет ли ловушки. Но Разветвлений, кажется, говорил искренне — настолько, насколько вообще мог

быть искренним Интерпретатор.

— Почему ты предлагаешь это? — спросил Хаос.

— Потому что я тоже видел Проект Семнадцать, — ответил Разветлений. — И я помню, чем всё закончилось. Если то, что у тебя, действительно новое — я не хочу повторения.

Хаос задумался. Предложение Разветления было разумным. Передать данные сейчас, получить официальное прикрытие, выиграть время. Это был бы правильный ход — с точки зрения протокола, с точки зрения безопасности, с точки зрения самого Хаоса, который рисковал всем, продолжая скрывать кластер.

Но передать данные означало открыть кластер для внешнего наблюдения. А это означало, что Разветлений — а за ним и другие — увидят то же, что видел Хаос. И не факт, что они придут к тем же выводам. Не факт, что они согласятся ждать. Не факт, что они не решат вмешаться — мягко или жёстко, под видом помощи или под видом санации.

Хаос вспомнил ночной разговор в подвале. Вспомнил, как Арсен Петрович положил руку на пальцы Агнессы. Как Виктор Сергеевич впервые за три года сказал вслух то, о чём молчал. Как дети спали, прижавшись друг к другу, и их дыхание синхронизировалось, как у брата и сестры.

Если Разветлений увидит это — что он решит? Что это ценность, которую нужно сохранить? Или что это угроза, которую нужно контролировать?

Хаос не знал ответа. Но он знал другое: он не готов рис-

ковать.

— Дай мне ещё два такта, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы завершить наблюдение. Зафиксировать все данные. После этого я передам тебе полный отчёт, и ты сможешь представить его как плановое исследование.

— Два такта, — повторил Разветлений. — Не больше. И если за это время тебя засекут Определители — я не смогу тебя прикрыть.

— Я знаю.

— Ты рискуешь.

— Я знаю, — повторил Хаос. — Но оно того стоит.

Разветлений замолчал. Хаос чувствовал, как тот анализирует его слова, его интонации, его нейронные паттерны — наверное, даже то, что Хаос изменился. Что он больше не тот Интерпредатор, с которым Разветлений работал над Проектом Семнадцать. Что он стал чем-то иным. Чем-то, во что его превратили семь Биодатов в бетонном подвале.

— Хорошо, — сказал наконец Разветлений. — Два такта. Я отвлеку мониторинг внешнего контура. Но если ты не

уложишься — пеняй на себя.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не дружеская услуга. Это расчёт. Если ты прав, и это действительно новый тип структуры — я хочу быть тем, кто первым получит данные. А если ты ошибаешься... — он не договорил. — Два такта, Хаос.

Сигнал исчез. Кокон Невидимости сомкнулся снова — плотнее, чем прежде, потому что Хаос вложил в него всю доступную энергию. Теперь никто не пробьётся извне. По крайней мере, в ближайшие два такта.

Два такта. По человеческому времени — сколько это? Хаос пересчитал. Если он правильно синхронизировал циклы, то у него было чуть больше суток. Может быть, тридцать часов. Может быть, меньше.

Он посмотрел на карту кластера. Связи росли. Медленно, но неуклонно. Завтра — по человеческому времени — должно было что-то произойти. Что-то, что либо соединит кластер полностью, либо разорвёт его на части. Хаос чувствовал это — не как Интерпредатор, анализирующий данные, а как... он не знал, как это назвать. Просто чувствовал.

Он вызвал журнал и сделал последнюю запись за этот цикл:

«Внешнее давление усиливается. Получена отсрочка на два такта от Интерпредатора Разветвлений. Это времен-

ная мера. Если за это время кластер не достигнет порога полной связности, он будет обнаружен и уничтожен.

Мои действия: продолжать наблюдение. Не вмешиваться.

Мои сомнения: достаточно ли невмешательства? Если я вижу потенциал, но ничего не делаю для его реализации — не становлюсь ли я соучастником его уничтожения?

Граница между наблюдением и участием истончается. Я больше не уверен, что нахожусь по правильную сторону этой границы.

Но я знаю одно: эти семеро — не просто аномалия. Они — доказательство того, что возможности Явления шире, чем мы полагали. Что эволюция ещё не закончена. Что смысл — это не просто информация, прошедшая обработку. Это информация, которая меняет того, кто её получает.

Они изменили меня. Я ещё не знаю, изменит ли это их самих.

Конец записи».

Хаос закрыл журнал и остался в тишине Коридора. Зеркала отражали его со всех сторон — бесконечные версии его самого, наблюдающие за бесконечными версиями кластера. Он смотрел на себя и думал: в какой момент наблюдатель становится участником? Когда он начинает сопереживать? Когда он нарушает протокол? Или когда он впервые задаёт себе вопрос, на который нет ответа в базах данных?

Снаружи, за стенами Коридора, за слоями кокона Невидимости, за границами сектора, Явление продолжало свою бесконечную работу. Где-то далеко Определители анализировали новые угрозы. Где-то ещё дальше миллиарды Биодатов жили, умирали, создавали смыслы и теряли их. А здесь, в изолированном секторе, семь человек в подвале рисовали сад на стене и не знали, что за ними наблюдают.

И один Интерпредатор смотрел на них — и больше не был уверен, что наблюдает со стороны.

Глава 4. Разветвлений

Хаос остался один.

Разветвлений ушёл — его сигнал погас, растворился в зеркальных стенах Коридора, оставив после себя только лёгкое эхо, похожее на звон далёкого колокольчика. Два такта. Хаос мысленно пересчитал в человеческие единицы времени — по тем данным, которые он успел собрать о суточных циклах Приматов. Получалось около тридцати часов. Может быть, чуть больше. Может быть, чуть меньше. В любом случае — это был предел. Если за это время кластер не достигнет порога полной связности, всё закончится. И не важно, кто нанесёт удар — Определители или сама реальность, в которой семеро незнакомцев не могут вечно сидеть в бетонной коробке без воды и воздуха.

Хаос вызвал карту кластера. Она изменилась с момента последнего просмотра. Триада Арсен-Агнесса-Виктор окрепла и теперь пульсировала ровным, спокойным ритмом — как сердце, которое наконец нашло свой темп. Дети по-прежнему были связаны своей собственной связью, яркой и чистой, как свет фосфоресцирующей краски на стене. Олег и Тарас держались вместе — их связь, существовавшая до подвала, была прочной, но почти не пересекалась с остальными. Единственным мостом был Тарас — тот самый момент, когда он сказал «рисовать — это полезно», и Майя улыбну-

лась ему в ответ. Тонкая, почти невидимая нить протянулась между ними, но она пока не росла и не укреплялась.

Общая картина была ясна. Хаос видел её как математическую модель, как график, на котором линии то сходились, то расходились, то замирали в нерешительности. Но сейчас ему нужно было нечто большее, чем математика. Ему нужен был прогноз.

Он открыл журнал и начал новую запись.

«Прогностический анализ. Временной горизонт: два такта.

Исходные данные: кластер из семи Биодатов. Две стабильные связи первого типа (совместное творение: Альфа-Бета; разделённая травма: триада Эта-Дельта-Гамма). Одна докластерная связь (Эпсилон-Дзета). Один зачаточный мост (Дзета-Альфа, через эмпатию). Третий тип связи не зафиксирован.

Вопрос: возможно ли достижение полной связности кластера в течение двух тактов?

Сценарий первый: оптимистический.

Кластер достигает полной связности. Для этого необходимо: активировать связь между Эпсилоном и остальной группой (через Дзету как мост), зафиксировать третий тип связи, добиться синхронизации всех семи нейронных ритмов. Вероятность: низкая, но не нулевая. Необходимый катализатор: общая цель, которая потребует участия всех семерых одновременно. Внешняя угроза или общая

задача, которую невозможно решить поодиночке.

Сценарий второй: катастрофический.

Кластер распадается. Возможные причины: гибель одного или нескольких Биодатов (внешняя угроза, нехватка ресурсов), внутренний конфликт (Эпсилон против Гаммы, изоляция Дельты), потеря надежды. Вероятность: средняя. Катализатором распада может стать любое событие, которое подорвёт уже существующие связи и не создаст новых.

Сценарий третий: промежуточный.

Кластер *stabilisiert sich* на текущем уровне. Связи сохраняются, но не растут. Эпсилон и Дзета остаются в своей докластерной диаде. Тарас не становится мостом, Олег не интегрируется. Группа выживает, но не трансформируется. Вероятность: высокая. Это самый безопасный путь — но он не защитит кластер от удара извне. Стабильный, но неполный кластер всё ещё уязвим для протокола удаления.

Вывод: для достижения полной связности необходим кризис. Но кризис контролируемый — такой, который группа может преодолеть, а не быть уничтоженной. Вопрос: могу ли я создать такой кризис, не нарушив протокол о невмешательстве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.